

ОН ВЫШЕЛ ИЗ АБСУРДОВОЗА

О сборнике стихов Д. Мурзина «Новое кино»

В 2016 году кемеровский поэт Дмитрий Мурзин выиграл Всероссийский литературный конкурс в номинации «Поэт года». В Москве вышел сборник стихов лауреата «Новое кино» (2017) с предисловием Игоря Волгина.

Дмитрию повезло с ним – наставником в Литинституте, маститым, широко известным, глубоко компетентным, чьё предисловие доброжелательно отмечает: «Можно сказать, что лирический герой Дмитрия Мурзина искушён жизнью и, в общем, не ждёт от неё ничего хорошего. Он смотрит на неё с чуть заметной и невесёлой усмешкой, он «медитативен»...». Заклучив предисловие цитированием стихотворения «Носитель языка», мэтр благословил поэта выражением надежды, что ноша языка окажется ему по плечу.

На мой взгляд, как раз стихотворение «Носитель языка» громоздко по выразительным элементам, словно его в XVIII веке написал Тредиаковский, и вообще не очень внятно. Но не хочется делать его предметом спора, так как оно не самое принципиальное в творчестве Д. Мурзина. А вот усмешка... Это, пожалуй, мягко сказано, Игорь Леонидович как-то поспешил на более радикальные обозначения.

Усмешка, конечно, присутствует, факт. Но, во-первых, она далеко не «чуть заметная», а во-вторых, участь лирического героя куда более трагична, чтобы котировать её только усмешкой, этим не самым сильным эмоциональным проявлением.

Лирический герой часто хандрит. Он пьёт чай с тоской, а духовой оркестр хорош так, словно... Нет, лучше полностью процитировать последнюю строфу стихотворения, давшего название сборнику:

*Продают какую-то ерунду,
Постоять – устроит цена...
Духовой оркестр в городском саду
Так хорош, словно завтра война...*

Снаружи у героя осень, а внутри вино. Иногда он ощущает себя как «ярость с пеплом». Характерно для него и чувство невермора (короткая интерпретация: беспросветное отчаяние). Сам себя он не любит. «Покопаешься в себе – и охота закопать». Немало в стихах упоминаний о неизбежной для всех нас смерти.

Кроме того, герой мучается комплексом Иуды. В жизни ему перепало на двоих – и друзей, и предательства, измен и верности. Он делает пи-пи во дворе литинститута и потом поражается, что такой пустяк угнетает его стыдом, в то время как есть за ним грехи посерьёзнее – «напродавал, накуролесил». В другом стихотворении он усмежается так: «Я не предан. У Иуды было дело поважнее». Одно стихотворе-

ние состоит всего из четырёх строчек, где герой копается в душе, сердце, уме и везде находит Иуду, а затем в карманах – серебро.

Гражданские мотивы в сборнике незначительны. Так, что-то вроде негодования по поводу деловой, расчеловеченной Москвы или, скажем, тех, кто «пропивает Россию» («...А пропивать Россию уже не страшно?»).

Решая тему любви и женщины, поэт в диапазоне своего восприятия действительности, пожалуй, наиболее реалистичен (если другим полюсом признать деформацию). Он сетует на «жён-рабовладельцев», наблюдает милую женскую манеру тратить деньги и прозу отношений партнёров.

*Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.
Он проснулся и ушёл за хлебом,
А она проснулась и ушла.*

В спектре чувств поэт придаёт реальное значение интимной физиологии, но лишь тонко намекая на неё. Порой можно уловить ноты признательности «ангелу» – любимой. Замечателен образ слияния мужества и нежности:

*Ты таким меня застала –
Ярость с пеплом и золой...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».*

167
Прекрасны стихи, передающие впечатление зачарованной отрешённости влюблённых, когда двое идут, «как дождь идёт в Макондо». И о влюблённых под дождём (это уже другое стихотворение) – «...Нет больше никого. Есть только эти двое».

В женской теме есть и такое:

*Прими меня в штывы или на грудь.
Возьми меня на сдачу, словно спички.
Как сотню грамм, закушай чем-нибудь.
Вот так раз пять – и я войду в привычку.*

Однако со всей остальной частью мира, внелюбивой и внесемейной, лирическому герою не по пути. Мир гадок и жесток, «се – место боли». Он состоит из подделок, аналогов, муляжей, копий, фальшивок, миражей и мороков, а каждый человек забился в свой мирок, напоминающий пластиковый стакан. Мир мрачен до безысходности и летит под откос. Здравый смысл в нём обрушен.

*Я вычленен из зоны сквозняка.
На реплику «ищите дурака»
Нашёлся я в одно мгновение ока.
Я без очков, ты, как любовь, слепа,
И здравый смысл поставлен на попа,
Я не один. И ты не одинока.*

Крошечное стихотворение «Эсхатологическое» кончается тем, что «И в лес иди придётся за дровами». Но оно не несёт сколько-нибудь серьёзного апокалиптического содержания. Это лишь мимоходная миниатюра, обыгрывающая известное представление о «ядерной зиме».

В единственном, если не ошибаюсь, случае можно найти нечто просветлённое, когда «Мне кажется, что я хожу под Богом, молясь за тех, кто сами по себе».

Мечта о блаженной отрешённости в «Феодосии» звучит как своего рода релаксация в плане отдыха от действительности: «...прямо в тапках ходить встречать поезда и о том, что что-то там позабыл, позабыть уже навсегда».

Воспоминания о детстве героя окутаны грустным мороком – есть и название такое: «Морок о детстве», но и «Одесса. Лето 1977 года», где мальчику семь лет, из той же серии.

*...Как провалы, горят глазницы,
Польхают ноздри, пылает пасть.
Надо мною страх обретает власть,
И потом полночи не спится...*

Несколько по-другому поэт вспоминает детство в стихе, где незнакомые слова когда-то казались ему «садовыми цветами». Кончается маленький шедевр эффектной контаминацией:

*Забывшись лишь на несколько минут,
Вхожу под свод немислимого сада,
Где так, как в детстве, то есть так, как надо,
Гортензия с претензией цветует.*

Конечно, этот немислимый сад посторонен для мерзкой действительности. А куда ещё можно от неё деться? Может быть, окунуться в XIX век? Там хорошо – «блаженный уют, всё вокруг было чище, светлее, добрее, мудрее...» Однако... «Слишком короток век. Чек гораздо длиннее».

Поэзия Д. Мурзина может быть понятной и близкой лишь для книжных по духу читателей, тех, кто знает литературную классику в её распространённых клише и вообще освоил культурное пространство. Страницы сборника пестрят именами – Айвазовский, Бах, Моцарт, Грин, Лобановский, Высоцкий, Евтушенко, Буратино, Чаушеску, Форсайты... Обыгрываются литературные образы Блока, Фета, Мандельштама, Пушкина, Лермонтова, Бунина, Шекспира, Бродского, Маркеса... Всех не перечислить.

Литературные реминисценции нужны поэту исключительно для того, чтобы снизить высоту, разрушить пафос, высмеять культы прошлого, живущие в нашей уже давно не наивной и зачастую циничной современности.

В оные времена читатели легко понимали строчку Блока: «Я послал тебе чёрную розу в бокале Золото-

го, как небо, ай». Сейчас этого, должно быть, приятного напитка что-то не видно в магазинах, и вряд ли кто сообразит без интернета, что означает сие вкусное словечко из двух букв. Д. Мурзин же воспел этот сорт крымского вина по-своему (подыгрывая фантазии аллитерацией):

*Подари мне медузу в тазу золотого ай,
Ничего нет прекрасней союза ай и медузы.
О медузах морского весною поют соловьи,
О медузах поэтам поют их усталые музы.*

Концовка такова:

*Всё мечты. Спит поэт за накрытым столом,
Погрузивши не морду в салат, а в янтарный мёд ус, и...
Ему снится, как други-матросы подносят весло,
На весле – как положено – тазик ай и медузы.*

Цепь мысли оформлена иронически-сюрреалистическим декором. Красивая классика «золотого ай» обесмысливается тоже красивой бессмыслицей, тем самым разрушая культ и миф нашего мира как привычного представления о нём (ведь мы любим мир в его красоте, доброте и разумности). Образы действуют способом шока, вырывая читателя из законности здравого смысла.

Здесь мы встретились с умеренным сюрреализмом, который попадает в сборнике не очень уж часто, но регулярно, в таких стихах, как «Рыбный день», «В суставах хруст аттических солей...», «У Лукоморья – дуб зелёный...», «Вариации»...

Следует задаться вопросом, зачем и почему «сюр». Только ради игры фантазии? У кого-то может возникнуть именно такое впечатление. Однако же ясна его мировоззренческая функция с социальным и философским подтекстом. В «Рыбном дне» различные существа, предметы и даже абстрактные понятия оживают в образах разных рыб. В каждой строфе действуют то «рыба-ремень» и «рыба-дочь», то «рыба-кошмар», «рыба-школяр», «рыба-урок», а заканчивается стихотворение «рыбой-смертью».

*Так было всегда и так будет везде.
Успеем туда успеть,
Где в тёмной воде, холодной воде
Водится рыба-смерть.*

А однажды герой вышел из абсурдовоза...

*Я вышел из абсурдовоза
И молвил маю: отвали.
Все врут: весна, календари.
Прощай, души моей заноза!*

Далее следует совет «перебелить жизнь заново» и шептать «морозы-розы-грёзы». От этого может стать «как обычно – жутко». Герой просит Моцарта

сыграть шутку, а Баха – фугу. Однако желание его не осуществится:

*Сыграет пошлость пухлый лабух...
Весна идёт на тонких лапах,
И я – как мышь в её зубах.*

Таким образом, в тексте присутствуют «абсурдово-з», хищная весна, недостижимые музыкальные гении, ресторанный лабух, пошлость его игры и попавший в зубы весне жалкий, несчастный герой. Подобная агрегация раскрывает содержание метафоры – этакое транспортное средство, развозящего абсурд, который вообще неизбежно входит в сюрреалистические образы. Абсурдность носит не случайный, а закономерный, философский характер – ощущение абсурдности всего нашего существования. Каждый читатель к такой философии может относиться, как ему угодно, и быть хоть «за», хоть «против».

Стихи Д. Мурзина погружают нас в океан иронии и самоиронии. Они все построены на игре слов, каламбурах, остротах, парадоксах, гротесках, парафразах, жгучих сравнениях («бумага белая, как попа»), контаминациях (соединениях несовместимых вещей).

И неотъемлем от его поэзии приём – даже принцип – снижения стиля. Сам по себе этот приём известен давно. Например, Чехов, «Дама с собачкой»:

«Однажды ночью, выходя из докторского клуба со своим партнёром, чиновником, он не удержался и сказал:

– Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

– Дмитрий Дмитрич!

– Что?

– А давеча вы были правы: осетрина-то с душиком!

Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечестными...»

У Д. Мурзина снижение стиля работает непрерывно и бьёт с силой молота по наковальне. Оно необходимо ему для аннигиляции пафоса. К примеру – стих из двух строф:

*Сотри случайные черты –
И ты увидишь: всё случайно –
И гений чистой красоты,
И тайна, и разгадка тайны.
И ты услышишь шум воды,
Познаешь запахи и звуки.
Сотри случайные следы,
Сотри, а после – вымой руки.*

Одно из самых мощных стихотворений («На танцах в клубе, тыщу лет назад...») кончается так:

*И виноват сынок, и нравы дики.
Свежо преданье, да мораль стара,
И музыки не будет до утра,
Пока Орфей не слезет с Эвридики.*

Наш век сбросил с себя остатки романтических иллюзий, испытывая на совесть человека, вооружённого не столько моралью, сколько интеллектом. Отсюда, вероятно, и родилось течение постмодернизма, призванное разрушать былые идеалы, хотя, конечно, это ещё не значит, что они, идеалы, этого достойны. А что касается Дмитрия Мурзина, то он и есть представитель постмодернизма – единственный среди кузбасских поэтов. Поэтому в местном масштабе его творчество представляет собой уникальный феномен.

Он отрицает многие банальные представления, разрушает культы и мифы, часто взрывает их, в то же время критикуя несовершенство текущего века. Но поэт сохраняет в стихах традиционно святое отношение к любви. Он вообще вполне серьёзно считается с позитивными ценностями. Если даже речь о физических недомоганиях, так сказать, лирического героя, то финальная разрядка напряжения даёт читателю катарсис:

*...Каяться, маяться, перебирать слова,
Праздновать труса траченым валидолом...
Сдрейфив насчёт «пройдут Азорские острова»,
После сорваться на торжество шутовства:
Выжечь больное сердце дурным глаголом.*

В целом поэт Дмитрий Мурзин – большой, необычный, интересный откровениями мыслящего современными категориями человека, способный дать читателю пряную, вкусную и питательную пищу для чувств и размышлений.

Евгений ЧИРИКОВ

